

НОВАЯ ГАЗЕТА

«НОВАЯ ГАЗЕТА. ЖУРНАЛ» • КУЛЬТУРА

Риллз на посту

Смех без причины — признак трикстера

08:01, 1 апреля 2026,

Кирилл Фокин

специально для «Новой»

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Этот материал вышел в специальной вкладке номера 17
«Новая газета. Журнал»

Нормально ли смеяться, когда рядом происходит страшное?
Буквально над этим самым страшным, над тем, что
оборачивается реальными человеческими страданиями.

Русскоязычный интернет в основном дает два типа ответа:
разделение явно идет по линии используемых платформ.
«Россия поста» (запрещенного фейсбука), склонная к рефлексии,
голосует скорее за ответ «нет», в юморе она видит цинизм и
эскапизм. А вот «Россия рилза» (запрещенных инстаграма и

тиктока) сама особо не рассуждает — отвечает деятельно.

Что там на повестке — новая война на Ближнем Востоке? Пожалуйста, иллюстрирую ленту последних дней: «Иран ответил Израилю в тот же день, а ты всё ещё думаешь, что он тебе не отвечает, так как занят?», нарезка с Трампом, загадывающим на новый год «мир во всем мире», песни с текстом «о-о-о я запускаю в небо свои атомные оружия» (*если кто не знает, так в тексте. — К. Ф.*).

Алгоритмы подхватывают спрос на такой контент, и желательно по мотивам свежих событий: первые дни после 24 февраля ленты тоже контрастировали душераздирающими фото и видео — и роликами, и мемами с саркастическими оценками (хотя и старым эпизодам, вроде 11 сентября, всегда есть место). И это не российская специфика: черный юмор мгновенно взлетает и в англоязычном, и в других сегментах, как только на глазах аудитории начинает твориться релевантный политический или социальный треш.

С точки зрения дебатов о морали аргументы «России поста» могут быть интересны. Но повседневная жизнь их опровергает:

сочувствие и сопереживание не обязательно должны сопровождаться рыданиями и ежедневным посещением психотерапевта.

Людям всех стран и всех континентов, говорящим на любых языках, самых разных вероисповеданий и политических взглядов — в силу неких внутренних структур человеческой натуры — очень нужно смеяться и (само)иронизировать над самыми чудовищными из катастроф. Занять здесь горделивую позу и сказать, что это механизм психологической защиты,

инфантилизм, неготовность «осмыслить» и «взять на себя ответственность», и прочее, и прочее — выглядит самым простым и вместе с тем очень ошибочным ответом (милым образом эта позиция зеркалит «патриотические» методички о «тяжелом времени, когда надо быть со своей страной, а не развлекаться»).

Психологи говорят, юмор помогает пережить стресс, выступает терапевтическим подспорьем, наконец, высмеять страх — значит если не победить его, то как минимум принять, ну и несколько возвыситься, вроде «и это пройдет». Хорошая иллюстрация — история запрета фильма «Смерть Сталина» Армандо Ианнуччи (давно это было, 2018 год!): его пародийный тон возмутил обе стороны, и разумным звучал аргумент, что именно смех — то есть дистанцирование — дает возможность реально превозмочь костлявую хватку невеселого прошлого.

Возможно, это так, и возможно, у смеха в трудную минуту действительно есть такая прагматическая задача. Возможно, и самоирония — лишь необходимый инструмент саморефлексии, которого, по мнению некоторых, наши вожди лишены, а могли бы они над собой посмеяться, может, и нам бы смеяться сквозь слезы не пришлось (хотя лично на меня президент Трамп производит впечатление человека вполне ироничного, даже слишком).

При всем при том у трагифарсного юмора есть еще одна важная особенность: он не просто реагирует, он дает энергию и — я бы даже сказал — яркий стиль для движения вперед. Такой смех сам становится действием: облегчающим отношение и освобождающим от тяжелых дилемм, заставляющим взглянуть на ситуацию — на вынесенную в заголовок пропасть — другими глазами, вообразить свою жизнь в немного другом жанре.

Хотя жизнь — не рыцарский роман (увы?), иногда очень полезно представить себя персонажем увлекательной книжки.

Особенно это полезно в хаотично-безумном настоящем, написанном в постмодерне и цифровом кровавом интертексте, потоке замутненного сознания.

Такое «новое Средневековье», как говорят умные люди, вот и можем вспомнить — кто лучше всех умеет выживать в таких средневековых обстоятельствах? Не просто шуты и не просто плуты, а спецы по иронии — трикстеры.

Вместо того чтобы стенать, они смеются над другими и над собой и действуют — бесконечно чередуя внезапные удачи с оглушительными провалами, но смеются снова, и изменяются, и бегут вперед, пока другие даже не могут понять, что происходит. Такое поведение актуально для нашей истории: не случайно Марк Липовецкий [называет](#) трикстера «главным героем советской культуры» (Остап Бендер, Василий Теркин, даже Штирлиц из анекдотов!).

Название этой колонки мне предложили: но какой образ точнее опишет поведение трикстера, чем высмеивание пропасти именно в тот момент, когда он уже над ней завис? Так что своей ленты рилзов не нужно стесняться, она — наш коллективный, общечеловеческий повод для гордости.

Этот материал вышел в семнадцатом номере «Новая газета. Журнал». Купить его можно в [онлайн-магазине](#) наших партнеров.